

Глава 132. Прикрытие и Поддержка

Когда Мэн Лаофужэн вошла во двор, она там Сяо Тяньяо, который сидел в своем инвалидном кресле около двери. Ее лицо стало мягким и нежным.

Сяо Тяньяо кивком поприветствовал пожилую даму. Затем он махнул стоявшему рядом слуге, чтобы он подкатил кресло ближе. Глаза Сяо Тяньяо скользнули по Линь Чуцзю, но он заговорил лишь со старой дамой: «Мэн Лаофужэн, я не смог встретиться с вами лично. Вы сможете меня простить?»

Можно сказать, что появление Сяо Тяньяо все равно было обманчивым. Он по-прежнему был очень горд и равнодушен к другим людям. Но как он взял на себя инициативу и заговорил, Мэн Лаофужэн удивилась.

Принц Сяо известен своей холодностью к людям.

Но видя сейчас глаза Сяо Тяньяо с выражением нежности в них, Мэн Лаофужэн почувствовала себя спокойнее. Поэтому она сказала любезно и с уважением: «Ванье, вы слишком строги к себе. Я не осмелилась бы утруждать принца».

«Мэн Лаофужэн – бабушка Чуцзю, а значит, и моя. Мэн Лаофужэн ни к чему быть такой скромной». Лицо Сяо Тяньяо при этом было непроницаемым. Однако, так как его слова говорили о добрых намерениях, Мэн Лаофужэн была тронута. Особенно, когда он назвал Линь Чуцзю только по имени. В глубине души Мэн Лаофужэн не могла немного не поверить словам Линь Чуцзю. Она поверила, что Линь Чуцзю хорошо живет в поместье Сяо.

Мэн Лаофужэн больше не пыталась быть скромной, но она сказала с улыбкой: «Если так говорит ванье, я не стану перечить». Сяо Тяньяо был принцем, его положение было гораздо выше, чем ее. И если это положение станет главной проблемой, Мэн Лаофужэн не могла гарантировать, что она сможет полностью поддержать Линь Чуцзю. Она могла только надеяться на то, что Сяо Тяньяо признает ее старшей.

«Если Мэн Лаофужэн будет говорить неофициально, это будет хорошо». Сяо Тяньяо уже достаточно уважения высказал Линь Чуцзю. Но Линь Чуцзю была недовольно, потому что ее бабушка слишком долго стояла. Линь Чуцзю не хотела, чтобы Мэн Лаофужэн это заметила, поэтому она улыбнулась и встала за спиной у Сяо Тяньяо на место слуги.

«Ванье, мы стоим здесь слишком долго. Давайте перейдем внутрь и продолжим наш разговор. Бабушка слишком стара, чтобы так долго стоять снаружи».

Хоть Сяо Тяньяо ее и не видел, он представлял лучезарную улыбку Линь Чуцзю. Но он знал, что она несчастлива, и ее улыбка притворная.

Однако у него будут другие возможности позже.

Сяо Тяньяо кивнул пожилой женщине: «Мэн Лаофужэн, давайте войдем».

«Хорошо, ванье, вы входите первым». Видя, что Сяо Тяньяо и Линь Чуцзю хорошо ладят, Мэн Лаофужэн чувствовала себя все более и более счастливой.

Теперь она больше не волновалась о Линь Чуцзю. Потому что она видела, что Сяо Тяньяо действительно хорошо относится к ее внучке. Ее тревоги совершенно рассеялись.

Войдя в дом, Мэн Лаофужэн и Сяо Тяньяо продолжили свой разговор. Но так как Сяо Тяньяо не любил разговаривать, большую часть времени говорила Мэн Лаофужэн. Однако Сяо Тяньяо слушал ее и время от времени задавал ей вопросы.

Мэн Лаофужэн не могла не найти поведение Сяо Тяньяо чутким и добрым. Но она не прекращала держаться с почтением. Мэн Лаофужэн давно общалась с Сяо Тяньяо, дольше, чем Линь Чуцзю, поэтому она лучше его понимала. Поэтому она все более и более была им довольна. Она обрадовалась еще больше, когда узнала, что Сяо Тяньяо в самом деле живет в таком месте. Когда Линь Чуцзю ранее сказала, что сама попросилась жить здесь, она осмелилась предположить, что Линь Чуцзю и Сяо Тяньяо поссорились. Но если бы так оно и было, при характере Сяо Тяньяо он бы не переехал сюда жить.

Поэтому Мэн Лаофужэн прямо сказала Линь Чуцзю: «Чуцзю, если ванъе слишком занят своей работой, ты должна заботиться о его нуждах. Не выходи из себя».

«Бабушка, когда же я это делала?» – Линь Чуцзю расстроилась. Но она могла лишь широко улыбнуться, чтобы старушка не переживала.

«Никогда? Это хорошо». Мэн Лаофужэн нравились милые шутки Линь Чуцзю. Вообще-то...

Сяо Тяньяо они тоже нравились. Он не отрывал глаз от Линь Чуцзю, значит, ему это нравилось, да?

Однако Линь Чуцзю ни разу не взглянула на него и даже не заговорила с ним нежно. Они оба были скорее похожи на чужих людей. Но Сяо Тяньяо не видел в этом ничего странного. Ему нравилось, что она ведет себя, как преданная внучка. Ему казалось очень милым то, как она смотрит на Мэн Лаофужэн. Поэтому он не мог не представлять себя самого на месте Мэн Лаофужэн.

Если бы Линь Чуцзю так баловала его, она бы тоже казалась хорошенькой, верно?

Сяо Тяньяо погрузился в мечты, поэтому, когда он снова пришел в себя, он не знал, о чем Мэн Лаофужэн говорила. Потому что он услышал лишь, что она сказала: «Моя внучка выросла избалованной. Так что, ванъе, если она что-то сделает не так, не колеблясь, сообщите мне. Я приду сюда и сразу же ее выберу».

Что означало: если Линь Чуцзю будет плохо себя вести, Сяо Тяньяо не обязательно ее ругать, потому что это сделает ее собственная родственница. Из этих слов было видно, что она определенно любит Линь Чуцзю. Поэтому, когда Сяо Тяньяо услышал слова Мэн Лаофужэн, он не рассердился. Скорее наоборот, он порадовался за Линь Чуцзю. Потому что кто-то в ее семье так о ней заботится.

Сяо Тяньяо взглянул на Линь Чуцзю. И, когда он увидел, какой радостной она была, его лицо непроизвольно смягчилось, и он прошептал: «Очень хорошо».

Этого ответа было недостаточно. Потому что счастье Мэн Лаофужэн было гораздо больше, чем выражалось просто словом «хорошо».

*

Видя, что подходит время обеда, Мэн Лаофужэн взглянула на Линь Чуцзю, чтобы намекнуть ей, чтобы она послала кого-нибудь приготовить их обед. Но Линь Чуцзю решила сама пойти на кухню, чтобы приготовить кашу.

Линь Чуцзю понимала, чего на самом деле хотела Мэн Лаофужэн. Она хотела поговорить с Сяо Тяньяо наедине. Но прежде чем уйти, она взглянула на Сяо Тяньяо. И в ее взгляде была какая-то надежда.

Когда Сяо Тяньяо увидел ее большие влажные глаза, он почувствовал, как что-то пронзило его сердце. Никакого лезвия на самом деле не было, но боль была.

Видя, что Сяо Тяньяо все еще смотрит на нее, Линь Чуцзю ушла, а в глазах Мэн Лаофужэн невольно отразилась радость. Но, когда Сяо Тяньяо перевел взгляд на нее, улыбка в ее глазах потухла. Видя это, Сяо Тяньяо тоже посмотрел на нее серьезно.

Потому Сяо Тяньяо точно знал, что сейчас начнется их настоящий разговор.

Мэн Лаофужэн не стала ходить вокруг да около и просто сказала: «Ванье, люди из династии Мин не говорят плохих слов. Но мне, старухе, необходимо это высказать. Жизнь Линь Чуцзю полна горечи. Линь Сян – доверенный человек императора, поэтому он никогда не станет помогать Линь Чуцзю. Скорее наоборот, он потянет ее вниз».

Когда Мэн Лаофужэн говорила эти слова, она пристально смотрела на Сяо Тяньяо. Поэтому, когда она увидела, что Сяо Тяньяо не был раздражен, она продолжила:

«Однако, ванье, вы можете быть спокойны. Семья Линь не поддержит Линь Чуцзю, но мой род Гу Гон поддержит!»

Голос Мэн Лаофужэн звучал негромко, но в каждом произнесенном ею слове слышалась сила. Ее слова представляли семью Гу Гон. Так что можно было сказать, что, даже если люди Восточной страны отвернутся от Сяо Тяньяо, Гу Гон все равно поддержит его из-за Линь Чуцзю.

«Мэн Лаофужэн, я понимаю ваши намерения. Но вам не обязательно это делать». Может, Линь Чуцзю и его жена, но: «Я не нуждаюсь в заступничестве женщины».

Мэн Лаофужэн не поняла значения слов Сяо Тяньяо, поэтому она нахмурилась и спросила: «Ванье, вы презираете мою семью Гу Гон?»

Мертвый, голодный верблюд все равно больше лошади. Так что, хотя трое ее сыновей не подавали особых надежд, состояние, оставленное ее мужем, старое поместье Гу Гон, все еще существовало. Так что не важно – в правительстве ли или в армии, семья Гу Гон все еще имела немного власти. Гу Гон не смогут стать его самыми важными союзниками, но ему все равно не следует их презирать.